

В.С. Попова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИЛЛОГИСТИКИ
И. КАНТОМ И А.И. ВВЕДЕНСКИМ¹

Критически проанализированы аргументы А.И. Введенского в «Новой постановке вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма», на основании которых он причисляет учение Канта о силлогизмах (и логику в целом) к практическим воззрениям. Наряду с этим свой собственный взгляд на силлогистику он считает теоретическим. Реконструирована сводимость первой фигуры силлогизмов ко всем остальным, предлагаемая в указанной работе Введенского. Автором сделан вывод о том, что Введенский в силу некоторых внутренних установок был настроен минимизировать теоретическое значение логики в системе Канта.

The article gives a critical analysis of A. Vvedensky's arguments in "The New Formulation of Question of Independence of Four Syllogistic Figures", on the basis of which he refers Kant's teaching on syllogisms (and logic as a whole) to the practical field. At the same time, he considers his own views on syllogistic as theoretical. The author of the article reconstructs the reducibility of the first syllogistic figure to the others, which is offered in Vvedensky's work, and comes to the conclusion that Vvedensky was inclined to minimise the theoretical meaning of logic in Kant's system due to certain inner attitudes.

Ключевые слова: силлогистика И.Канта, логика А.И. Введенского, силлогизмы, сводимость фигур силлогизмов, Nota notae, Dictum de omni et de nullo, теоретическое значение логики.

Keywords: Kant's syllogistics, Vvedensky's logic, syllogisms, syllogistic figure reducibility, Nota notae, Dictum de omni et de nullo, theoretical meaning of logics.

¹ Статья содержит результаты исследований по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 09-06-00092а «Логика И. Канта: реконструкция и современное значение».

Философия Канта, а в связи с этим и логическая часть его концепции, привлекала к себе огромный и неиссякаемый интерес в России рубежа XIX-XX веков. Рассмотрение многочисленных проявлений этого интереса – тема для обширных исследований. Здесь мы отметим только, что ссылки на труды Канта, главным образом на «Критику чистого разума», можно встретить практически во всех отечественных работах по логике конца XIX-начала XX веков. Влияние кантовской позиции в логике было продиктовано в первую очередь авторитетом его трансцендентальной философии. В связи с этим на первый план выходит концепция А.И. Введенского, предложившего доказательство философского критицизма. «И так как это учение о границах знания опирается на одну лишь логику, то удобно называть его для отличия от всех других доказательств неосуществимости метафизического знания *логицизмом* (курсив Введенского – В.П.)» [2, с. 307]. Большинство исследователей единодушны в том, что Введенский является «правоверным кантианцем» [5, с. 106]. Оригинальность логицизма сам Введенский, впрочем, как и его читатели, видит в новом и лёгком доказательстве философского критицизма. В предисловии к 3-му изданию «Логики, как части теории познания» Введенский говорит о том, что в его труде представлено «совершенно независимое (конечно, логически, а не генетически (чем подчеркивает свою приверженность трансцендентальной философии – В.П.) от критицизма, доказательство неосуществимости метафизического знания» [2, с. III]. Доказательство это, по Введенскому, основывается на одних только правилах логики без привлечения помощи со стороны других наук. Кроме того, сама «лёгкость» предложенного доказательства в сравнении с «очень трудным и запутанным» доказательством, изложенным в кантовских «Критике чистого разума» и «Пролегоменах», достигается благодаря систематичности и ясности формальной логики, а именно, её части, касающейся законов мышления. Таким образом, в концепции Введенского логика образует первоначальную часть теории познания, «выделенную в особую дисциплину только ради удобства её изучения» [2, с. 37]. Логическое учение оказывается теоретически значимым для всей философской системы А.И. Введенского.

В работах, обосновывающих концепцию логицизма, Введенский не приводит никаких рассуждений о роли логики в развитии критической философии Канта². Наряду с этим он считает новаторской свою идею опираться в этом вопросе на логику. Можно предположить, что А.И. Введенский (как и некоторые более современные авторы) не увидел или по каким-то причинам не хотел акцентировать внимание на том, что формальная логика оказала влияние на выработку идей критической философии Канта. Факт такого «умолчания» со стороны Введенского вызывает недоумение: неужели вдумчивый кантианец, для которого логика представлялась главенствующим инструментарием при размышлении о границах человеческого знания, не выразил отчётливого мнения о роли логики в построении системы трансцендентальной философии Канта?

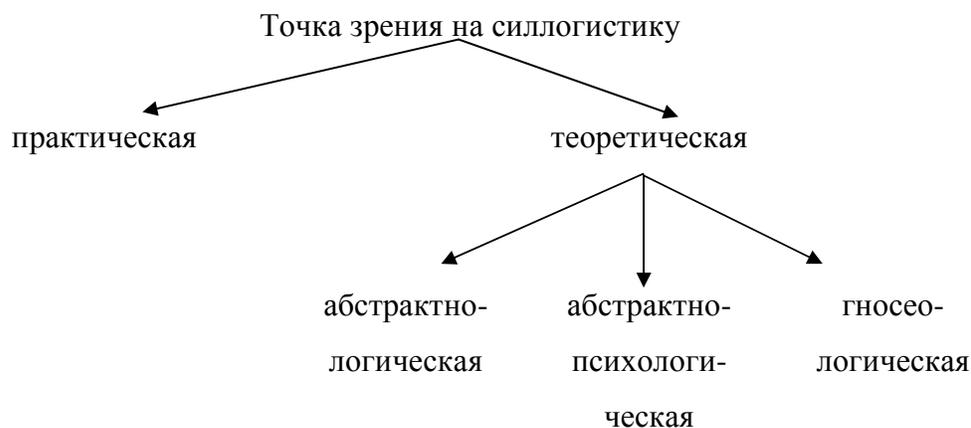
В прояснении этой проблемы будем исходить из того, что *существует логическая парадигма трансцендентальной философии*. Это положение было обосновано В.Н. Брюшинкиным в статье «Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма». В работе сформулирован тезис: «Содержание ряда центральных идей трансцендентальной философии обусловлено Кантовой интерпретацией формальной (общей) логики и, в частности, силлогистики» [1, с. 30].

В связи с осмыслением работы Канта «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», А.И. Введенский опубликовал статью «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма». Она призвана была разъяснить, «с каких точек зрения можно рассматривать силлогизмы и излагать учение о них, и какой вид примет это учение в зависимости от особенностей каждой точки зрения» [3, с. 1]. Обсуждаемые в статье точки зрения, однако, выделялись Введенским на основе собственных соображений, фактически он не приводил представителей того или иного подхода (кроме Канта, о котором речь пойдёт ниже), ограничиваясь оборотами: «те, кто, подсмеиваясь над учением о

² Следует отметить, что в работах А.И. Введенского, как не парадоксально, довольно редки ссылки на Канта. Даже чисто статистически оказывается, что, к примеру, статья «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма» (1897) содержит всего 2 ссылки на Канта, 2 ссылки на Троицкого и 2 ссылки на Минто. Если учесть, что сама статья инициирована соответствующей работой Канта, даже при критическом к ней отношении, такая скупость выглядит не оправданно, не отвечает ожиданиям читателя, заинтересованного кантоведческой проблематикой. Это замечание можно распространить и на «Новое и лёгкое доказательство философского критицизма», и на «Логику, как часть теории познания».

четырёх фигурах, говорят...», «писатели, превращающие логику...», «многие, особенно составители элементарных учебников логики...» и т.п. Очевидно, что «Ложное мудрствование...» натолкнуло Александра Ивановича на размышления об особенностях кантовской интерпретации силлогистики, однако связи этой интерпретации с трансцендентальной философией он не отметил. Напротив, Введенский выразил уверенность, что Кант (а также «его подражатели») придерживался чисто практических соображений, когда размышлял о сводимости фигур силлогизма. Содержание же первых двух параграфов «Ложного мудрствования...», в которых Кант говорит о природе и о высших правилах умозаключений, что само по себе можно отнести к базовым темам логики, Введенский не обсуждает.

Рассмотрим подробнее соображения кантианца, изложенные в «Новой постановке вопроса...». Он выделяет две основные точки зрения на учение о силлогизмах: практическую и теоретическую. Внутри теоретической выделяется ещё три направления. Итак, получается следующая классификация точек зрения на силлогизмы:

При практическом взгляде «...из учения о силлогизмах с необыкновенной уверенностью хотят сделать часть руководства к правильному мышлению, устанавливающую ряд предписаний, как мы должны умозаключать в таких то и таких то случаях и чего избегать, чтобы наши умозаключения были правильными» [3, с. 2]. С теоретической точки зрения учение о силлогизмах рассматривается «как ценное само по себе (как описание действительности), или же как средство для решения других теоретических вопросов» [3, с. 2]. В зависимости от

представленной в той или иной концепции точки зрения выражению «самостоятельность фигуры» приписывается особое значение.

Как в связи с этой классификацией трактует Введенский позицию Канта? Как чисто практическую. Якобы, он «отрицал самостоятельность всех фигур силлогизма кроме первой и доказывал свое отрицание тем, что все их модусы сводятся на модусы первой фигуры» [3, с. 2]. В данном случае под самостоятельностью фигуры силлогизма Введенский понимает её несводимость и, наоборот, под несамостоятельностью – сводимость. С такой формулировкой задачи, которую решал Кант в «Ложном мудрствовании...» нельзя согласиться: в его работе умозаключения, которые получаются по I фигуре силлогизма – «простые» и «чистые», поскольку они строятся только посредством трех предложений по высшим правилам умозаключений. Силлогизмы по II — IV фигурам – это «смешанные» умозаключения, они сводимы к силлогизмам по I фигуре введением в них непосредственных заключений. Но и I фигура оказывается «так называемой», потому что «вообще деление на фигуры, поскольку они должны содержать только чистые, ни с какими промежуточными суждениями не смешанные заключения, ложно и невозможно» [6, с. 73]. Таким образом, Кант вовсе не говорил о самостоятельности или несамостоятельности фигур, он не использовал таких терминов. На основании решения вопроса о сводимости он пришел к отрицанию деления силлогизмов на фигуры.

Введенский приходит к тому же выводу, что и Кант, парадоксальным образом игнорируя приведённый выше пассаж «Ложного мудрствования...». Он пишет: «...в логике, если ее рассматривать только как руководство к правильному мышлению, нет места ни учению о четырех фигурах, ни учению об одной фигуре: и то и другое оказывается в ней излишним» [3, с. 3], однако писатели, «превращающие логику в руководство к правильному мышлению...» [3, с. 4] (к ним Введенский относит Канта), «...спорят, сколько самостоятельных фигур силлогизма» [3, с. 4]. Работа Канта, на наш взгляд, убеждает в обратном.

Интересно, как Введенский обосновывает тезис о том, что в логике, рассматриваемой с практической точки зрения (т.е. как руководство к правильному мышлению), нет места учению о фигурах силлогизма. Он замечает, что в естественном процессе мышления мы никогда не сверяемся с правилами

силлогизмов. Делая правильное умозаключение по первой фигуре, «...мы без всяких справок с логикой просто напросто *чувствуем* (курсив Введенского – В.П.), что оно правильно, т. е. чувствуем, что, признав его посылки, мы обязаны признать и его вывод. То же самое происходит в нашем сознании и в то время, когда мы заново делаем какой-нибудь вывод: без всяких справок мы *чувствуем* (курсив Введенского – В.П.), что два признанные нами суждения обязывают нас признавать еще третье» [3, с. 3]. Главный ориентир при силлогистических выводах – самонаблюдение³. Таким Введенский видит принцип проверки правильности силлогизмов с практической точки зрения. Поэтому никакие правила фигур при таком подходе не требуются, и сам вопрос о делении на фигуры упраздняется. Нетрудно заметить, что А.И. Введенский приходит к этому выводу на совершенно других основаниях, нежели это делает Кант.

Основным в работе Канта является то, что сводимость II — IV фигур к I фигуре демонстрирует эффективность в качестве высших принципов умозаключений следующих двух правил: «...первое и общее правило всех утвердительных умозаключений таково: признак признака есть признак самой вещи (*nota notae est etiam nota rei ipsius*); для всех отрицательных суждений: что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи (*repugnans notae repugnat rei ipsi*)» [6, с. 73]. Процедуру сведения II — IV фигур к I фигуре он приводит с опорой на эти правила (подробнее см. об этом в [7]). *Nota notae* – это принцип, который сосредоточен на содержании (признаках) рассматриваемых в умозаключении понятий. Как показано В.Н. Брюшинкиным, предпочтение Кантом принципа *Nota notae* в силлогистике демонстрирует приоритет интенциональных соображений в интерпретации им понятий и суждений, что, в свою очередь,

³ На страницах «Логика, как части теории познания» (1917) Введенский описывает алгоритм составления таблицы правильных силлогизмов [2, с. 177-180]. В этом процессе отбора правильных модусов он также предлагает руководствоваться самонаблюдением, отслеживать, принуждают ли нас посылки соглашаться с выводом. И если в «Новой постановке вопроса...» такой метод он относит к практическому взгляду на логику, то в «Логике как части...» этот процесс отбора правильных модусов задан точкой зрения на логику как часть теории познания [2, с. 177], т.е. с теоретической точки зрения. Правда, здесь Введенский даёт некоторые дополнительные способы проверки для тех, у кого обнаруживается недостаточность «навыка к самонаблюдению над логической стороной своего мышления». Это использование круговых схем, а также правило: «Попробуем, соглашаясь с обеими посылками, заменить вывод, о котором у нас идёт речь (т.е. который, по нашему мнению, вытекает из этих посылок), противоположным суждением. Если проверяемый вывод действительно, а не кажущимся образом, вытекает из них, то соглашаясь с ними, уже нельзя заменить его противоположным суждением иначе как той ценой, что сопоставление последнего с нашими посылками будет явно нелепым» [2, с. 178-179]. Таким образом, можно наблюдать некоторую трансформацию взглядов Введенского по вопросу силлогизмов.

сказывается на различии им аналитических и синтетических суждений (подробнее об этом см. [1, с. 35]). И хотя при своей трактовке кантовского подхода Введенский вполне мог не уловить этой взаимосвязи (он не оперировал понятиями интенциональности и экстенциональности), однако, нельзя было не заметить особого отношения Канта к принципу *Nota notae*: это предпочтение было высказано явно в работе. Тем не менее, Введенский вообще не обсуждает этот принцип, нацеливаясь в «Новой постановке вопроса...» на критику верховенства более традиционного правила *Dictum de omni et de nullo* (все, что в понятии утверждается во всем объеме, утверждается и о каждом другом понятии, которое содержится в первом). По Введенскому, рассматривая силлогизмы с логической стороны, некоторые видят приоритет I фигуры на основании того, что именно в ней наглядней всего исполняется *Dictum de omni et de nullo*. Он пишет: «Но при рассуждениях о *dictum*'е хотят решить его (вопрос: *какие* из фигур дают бесспорно очевидные выводы? – В.П.), руководясь не тем, какие выводы нами *чувствуются*, как бесспорно очевидные, а справляясь с тем, при каких выводах исполняется *dictum*, т. е. *правило, констатированное в логике, как наглядно исполняемое в первой фигуре* (курсив Введенского – В.П.)» [3, с. 7]. Далее Введенский утверждает, что правила каждой из фигур могут быть выведены независимо от *Dictum*'а. Повторим мысль о том, что само рассмотрение проблемы самостоятельности фигур силлогизма с точки зрения главенствующего правила (в данном случае - *Dictum*'а) Введенский относит к теоретико-логической точке зрения. Если бы он учёл значимость *Nota notae* в «Ложном мудрствовании...», то следуя собственной классификации Введенского, точка зрения Канта могла бы быть отнесена к разряду *теоретических* (таких, в которых учение о силлогизмах рассматривается как средство для решения других теоретических вопросов). И такое решение выглядело бы более уместным, последовательным и естественным для философа, придерживающегося кантианских воззрений.

В одном из примечаний к статье Введенский делает оговорку, что в «Ложном мудрствовании...» Кант нигде явно не признаёт свою точку зрения на силлогизмы практической. Обратимся к работе Канта: «Существует и некоторое другое применение силлогистики, состоящее в том, чтобы при ее помощи в ученом

словопрении взять верх над неосмотрительным противником. Но так как это относится к атлетике ученых — искусству, которое в других отношениях, быть может, и весьма полезно, но которое немного способствует интересам истины, то я и ее обхожу здесь молчанием» [6, с. 72]. На наш взгляд, как раз эту сторону исследуемого вопроса можно считать практической, как раз здесь-то речь непосредственно идёт о пользе силлогистики, что противопоставляется (как ясно из контекста цитаты) непрактическим интересам истины. Если следовать собственной классификации Введенского, эту указанную Кантом сторону рассмотрения силлогизмов можно признать конкретно-психологической. При таком взгляде, по Введенскому, учитываются «...условия, при которых будет наиболее естественным употребление той или другой аристотелевской фигуры» [3, с. 10] (для применения общего положения к подчинённому, для опровержения и т.д.). И эту сторону дела Кант как раз оставляет без внимания как не соответствующую интересам его исследования.

Ещё одно замечание, указывающее на обусловленность отношения Введенского к позиции Канта некоторыми внутренними не вполне последовательными для кантианца установками. Из оценки Введенского вытекает, что Кант предпринял свои рассуждения о сводимости фигур силлогизма к первой фигуре только лишь из *практических* соображений простоты и удобства, не подразумевая в «Ложном мудрствовании» никаких теоретически значимых оснований. Действительно, Кант проводит мысль о том, что «подлинная цель логики — все приводить к простейшей форме познания...» [6, с. 71]. Каждая из фигур требует особых правил проверки, что усложняет процесс познания. «И действительно, если рассматривать *логику* (курсив мой – В.П.), как руководство к правильному мышлению, - пишет Введенский, - пожалуй, незачем учить об употреблении нескольких орудий, когда те же самые цели могут быть достигнуты все и при помощи лишь одного из них» [3, с. 2]. Эту мысль, которая «возбуждает опасения» у Введенского, последний приписывает Канту и вместе с ним его подражателям, придерживающимся практической точки зрения на логику. Да, именно на логику, а не на учение о силлогизмах, о котором первоначально идёт речь. Уже в третьем абзаце своей статьи Введенский совершает подмену предмета

обсуждения, охватывая характеристикой практической точки зрения на силлогизмы логику (в данном случае – Канта и его подражателей) в целом. Отметим, что в «Логике, как части...» разъяснению теоретической и практической значимости логики А.И. Введенский посвящает II главу - «Значение логики. Логика и философия». Он фиксирует, что всякая наука имеет утилитарное значение, т.е. практическое, и философское, т.е. теоретическое. При этом он критикует видение логики как «руководства к усвоению искусства правильно мыслить», поскольку, с одной стороны, можно правильно мыслить даже не зная логики, а с другой стороны, чтобы изучать это руководство уже необходимо уметь правильно мыслить. Получается, Введенский вольно или невольно отождествлял практический взгляд на учение о силлогизмах с практическим взглядом на логику в целом. А практическая точка зрения, в свою очередь, рассматривалась им как ограниченная, т.е. лишённая философского значения. Это может свидетельствовать о том, что Введенский в силу каких-то внутренних установок был настроен минимизировать теоретическое значение логики в системе Канта.

Для полноты разбора следует сказать о том, как и для чего Введенский решает проблему сводимости фигур силлогизмов. Он полагает, что показав сводимость I фигуры к остальным (по замечанию Введенского, эта мысль ещё никому до него не приходила в голову), можно решить вопрос о самостоятельности фигур силлогизмов в абстрактно-логическом смысле (когда силлогизм представляется «как ценное само по себе» [3, с. 4]). Вероятно, этот путь обоснования был дан в противовес Кантову сведению силлогизмов по II — IV фигурам к силлогизмам по I фигуре, однако об этом в «Новой постановке вопроса...» ни слова. В этом контексте стоит указать на то, что в «Логике как части...» Введенский всё же даёт три примера сведения модусов II и III фигур к I фигуре [2, с. 214-215]. Это сведение модуса II фигуры *Cesare* к модусу I фигуры *Celarent* (этот вариант рассматривает и Кант, однако Введенский об этом не упоминает); сведение модуса II фигуры *Camestres* модусу I фигуры *Celarent*⁴ (о таком варианте сведения Кант умалчивает); а также сведение модуса III фигуры *Boardo* модусу I фигуры *Ferio* [7, с. 65] (такого варианта также нет у Канта).

⁴ Возможность такого сведения, исходя из заданных Кантом логических средств, показана в статье [7, с. 65].

Проведём краткую реконструкцию предлагаемого Введенским сведения модусов I фигуры. Он формулирует задачу: «...как ни часто говорят о сводимости одних фигур на другие, еще никому не приходило в голову спросить себя — а нельзя ли такими же путями, какими мы сводим другие фигуры на первую, свести и всю первую фигуру на другие?» [3, с. 4] Для кантианца это представляется вполне осуществимым. Однако в «Новой постановке вопроса...» он рассматривает лишь сводимость всех четырёх модусов I фигуры ко второй [3, с. 5-6]:

Celarent:

- 1) MeP, SaM ⊢ SeP (обращаем MeP)
- 2) PeM, SaM ⊢ SeP, т.е. Cesare.

Ferio:

- 1) MeP, SiM ⊢ SoP (обращаем MeP)
- 2) PeM, SiM ⊢ SoP, т.е. Festino.

Сведение вышеуказанных модусов, по признанию самого Введенского, предельно просто.

Утвердительные модусы первой фигуры Barbara и Darii он предлагает подвергнуть преобразованию, называемому *obversio* (превращение). Однако, при помощи одного превращения такое преобразование модусов Barbara и Darii в модусы второй фигуры получить нельзя. И фактически Введенский производит указанные операции при помощи противопоставления предикату. Что это, опечатка в тексте? В «Логике, как части...» (в которую частично с некоторыми изменениями вошел текст «Новой постановки вопроса...») в связи с преобразованием утвердительных модусов первой фигуры Barbara и Darii в модусы второй фигуры он говорит уже о противопоставлении предикату. А на тех страницах, где им описываются непосредственные умозаключения, можно встретить такого рода примечания: «Некоторые русские авторы называют *conversio*, т.е. рассматриваемое умозаключение (обращение – В.П.), «превращением» [2, с. 155]; «Те русские авторы, которые называют *conversio* превращением, *obversio* именуют обращением» [2, с. 159]; и наконец: «Некоторые авторы называют это умозаключение (противопоставление предикату – В.П.) тоже *obversio*, т.е. превращением» [2, с. 161]. Очевидно, в период написания «Новой постановки вопроса...» сам кантианец примыкал к таким авторам, либо перенял манеру у

какого-нибудь влиятельного в те годы отечественного логика. Таким влиятельным персонажем для Введенского, скорее всего, мог быть его учитель М.И. Владиславлев. Действительно, в его учебнике логики 1905 года издания (4-ое издание) встречаем: «Превращение суждений без изменения количества их называется *conversion simplex*, с изменением – *conversion per accidens*» [4, с. 30]. Правда, противопоставление предикату Владиславлев называет «противоположением», латинского названия в этом издании учебника не вводит. Возможно, оно встречается в других работах. Так или иначе, источником путаницы в понятиях вполне мог быть влиятельный преподаватель логики, взрастивший целую плеяду именитых учеников, М.И. Владиславлев.

Вернёмся к сведению модусов первой фигуры Barbara и Darii, как это делает Введенский. Итак:

Barbara:

1) $MaP, SaM \vdash SaP$ (противопоставляем MaP)

2) $\neg PeM^5, SaM \vdash Se\neg P$, т.е. Cesare.

Суждение вида $Se\neg P$ Введенский считает равносильным SaP . Действительно превращаем $Se\neg P$, получаем $Sa\neg\neg P$, снимаем двойное отрицание, получаем SaP .

Darii:

1) $MaP, SiM \vdash SiP$ (противопоставляем MaP)

2) $\neg PeM, SiM \vdash So\neg P$, т.е. Festino.

Суждение вида $So\neg P$ Введенский считает равносильным SiP . Действительно превращаем $So\neg P$, получаем $Si\neg\neg P$, снимаем двойное отрицание, получаем SiP .

Вариантов сведения модусов первой фигуры к третьей и четвёртой в «Новой постановке вопроса...» Введенский не даёт⁶. Ограничивается замечанием о том, что это можно было бы показать, но «в этом нет никакой нужды: и без того ясно, что с абстрактно-логической точки зрения, при которой под словом

⁵ Символом « \neg » перед термином будем обозначать отрицание термина.

⁶ Для полноты картины следует сказать, что в «Логике, как части...» 1917 года издания Введенский приводит пример сведения модуса первой фигуры Barbara к модусу четвёртой фигуры Cameenes и модуса первой фигуры Ferio к модусу третьей фигуры Ferison. Также, здесь на с. 215 он помещает замечание, что «...все модусы первой фигуры сводятся и на вторую, и на четвёртую, а те из них, в которых получаются частные выводы, и на третью...». В целом его видоизменённая позиция в «Логике, как части...» выглядит более отточенной, вероятно в связи с требованиями систематичности изложения.

самостоятельность подразумевается слово несводимость, вопрос о числе *самостоятельных* фигур упраздняется; они все сводимы друг на друга» [3, с. 6]. Таким образом, задача, предполагаемая как центральная в этой работе Введенского, фактически проработана неполно. Это говорит о том, что сама процедура сведения не была главным аргументом в доказательстве самостоятельности всех четырёх фигур. Складывается впечатление, что сведение, предпринимаемое в статье, производится скорее из новаторского интереса, продиктованного соображением, что никто ранее не додумался сводить первую фигуру к остальным.

Что же тогда было главным в статье Введенского? Очевидно, это «...гносеологическая, самая ценная и самая интересная, сторона учения о силлогизмах» [3, с. 11], отстаиваемая Введенским. Согласно этой позиции, учение о силлогизмах помогает выявить основополагающее значение *общих суждений*, которые, по его мнению, имеют наибольшую ценность для знания, все науки «...постоянно стремятся к доказательству общих суждений» [2, с. 77]. Рассмотрение всех фигур силлогизмов демонстрирует два правила: 1) из частных посылок нельзя сделать никакого вывода; 2) вывод бывает общим только если обе посылки общие. В логицизме Введенского одним из основных является вопрос о том, каким образом в правильных умозаключениях можно получить общее синтетическое суждение. В его системе логики как части теории познания обосновывается тезис, что всякая рациональная наука «...непрерывно должна употреблять в виде высших оснований большее или меньшее число общих синтетических суждений, допускаемых без всяких доказательств со стороны её самой» [2, с. 137]. Из этих базовых общих синтетических суждений выводятся другие общие суждения. Так происходит процесс расширения знания. Силлогизмы играют в этом процессе решающую роль, т.к. «силлогизмы составляют наиважнейшую часть всякого доказательства» [2, с. 205].

Анализ статьи А.И. Введенского «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма» показывает, что кантианец отказывает логике Канта в теоретической значимости. В.Н. Брюшинкин отмечает, что «интерес «Ложному мудрствованию...» придают, скорее, «парадигматические» вопросы» [1, с. 30]. Однако темы, которые можно отнести к этой области,

парадоксальным образом либо остаются вне поля зрения кантианца, либо трактуются им в практическом свете. Сравнительный анализ ряда фрагментов «Новой постановки вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма» Введенского и «Ложного мудрствования в четырёх фигурах силлогизма» Канта, а также некоторые положения концепции логицизма приводят к следующим заключениям:

- несмотря на то, что существует логическая парадигма трансцендентальной философии, Введенский не приводит никаких аргументов о теоретическом значении логики в развитии критической философии Канта, которые можно было бы почерпнуть из «Ложного мудрствования...» (верховенство правил *Nota notae*, определения суждения и умозаключения и др.);

- точка зрения Канта на силлогизмы рассматривается Введенским как практическая, которая, в свою очередь, трактуется им как ограниченная, т.е. лишённая философского значения;

- собственное логическое учение оказывается теоретически значимым для всей философской системы А.И. Введенского, это особенно явно проступает в работах «Новое и лёгкое доказательство философского критицизма» и «Логика, как часть теории познания»;

- Введенский считает новаторской свою идею опираться в вопросе обоснования философского критицизма только лишь на правила логики (а также в своих работах акцентирует внимание читателей на тех идеях, в разработке которых считает себя новатором, как, например, в идее сведения модусов первой фигуры к другим фигурам).

Все приведены выше замечания указывают на обусловленность отношения Введенского к позиции Канта некоторыми внутренними не вполне последовательными для кантианца установками. Хотя более естественно для философа, придерживающегося кантианских воззрений было бы отнести точку зрения Канта, представленную в «Ложном мудрствовании...», к разряду *теоретических* (таких, в которых учение о силлогизмах рассматривается как средство для решения других теоретических вопросов), Введенский в силу каких-

то причин был настроен минимизировать теоретическое значение логики в системе Канта.

В связи с этими выводами мы можем сделать предположение. Введенский всячески (возможно, не вполне осознано) пытается выделить особенности своей логической парадигмы (делая акцент на её гносеологическом характере), подчеркнуть её значение для решения фундаментальных философских задач. Это может быть продиктовано некоторыми амбициями самостоятельности в философии. Надежды, связанные с созданием оригинального философского учения, Введенский возлагает на логику, поэтому отказывается видеть логические основания философского критицизма у Канта.

Было бы не справедливо утверждать, что Введенский сознательно стремился обойти теоретически значимые вопросы логики Канта, чтобы выдвинуть на первый план теоретическую оригинальность своего подхода. Его философские амбиции были по большей части не личными, но национальными: и в «Новом и лёгком доказательстве философского критицизма», и в «Логике, как часть теории познания» он подчеркивает: логицизм появился в России и потому его можно называть *«русским доказательством невозможности метафизики в виде знания (курсив Введенского – В.П.)»* [2, с. 307]. Вероятно, это оказывается настолько сильной установкой, что заставляет философа противопоставить некоторые довольно значимые теоретические части своего учения взглядам наиболее авторитетного для него мыслителя Канта.

Литература

1. Брюшинкин В.Н. Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма» // Кантовский сборник. Вып. 11. Сборник научных трудов. Калининград: Изд. Калининград. ун-та, 1986. С. 30-40.
2. Введенский А.И. Логика, как часть теории познания. Третье, вновь переработанное издание. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917.
3. Введенский А.И. Новая постановка вопроса о самостоятельности четырёх фигур силлогизма. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1897.
4. Владиславлев М.И. Учебник логики Издание 4-е. М.: Тип. Кушнерев и Ко, 1905.

5. *Ермичев А.А., Никулин А.Г.* А.И. Введенский и Н.О. Лосский: критицизм и интуитивизм В Санкт-Петербургском университете // *Философия в Санкт-Петербурге (1703-2003)*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 103-118.
6. *Кант И.* Ложное мудрствование в четырёх фигурах силлогизма // *Кант И. Сочинения в шести томах*. М.: Мысль, 1964. Т. 2.
7. *Лемешевский К.В.* Способы сведения силлогизмов в логике Канта // *Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии* / Под. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 59-72.